

КИСА

— из главы 3

После того как Фэй разместились в своей комнате на втором этаже, Делия Мерфи пригласила ее вниз, в библиотеку. Мать девочки немедленно приступила к инструктажу:

— Кисе следует позволять играть в любые игры — главное, чтобы она не скучала. Никаких ограничений. Мы с мистером Мерфи полагаем, что в детях следует поощрять способность примерять разные роли.

Говоря это, Делия приводила в порядок письменный стол и перекладывала стопки бумаги. Фэй заметила, что одну из стопок она возвращала на то же место три раза.

— Предоставляя полную свободу фантазии ребенка, мы стимулируем его интеллект. Киса вправе воображать себя кем угодно — диким пони, пиратом, принцессой, — и мы не станем ей в этом мешать.

— Да, мэм, — безропотно отвечала Фэй.

Сама она воспитывалась по совсем иным правилам, но, пожалуй, такой взгляд на воспитание звучал здраво. Раскованно и свободно.

Эшли Фрэнсис, «Киса».

Нью-Йорк: Drake, Richards and Weems, 1976

Глава 6

В квартире у Фрэнсис пахло органическим моющим средством с лимоном. Я понятия не имела, что в этой спальне можно было отмывать, но домработница все равно, надо или не надо, исправно появлялась тут каждое утро и проводила в квартире два часа, с десяти до полудня. Должно быть, Эйса предупредил, что я здесь. В холодильнике меня ждали два аккуратных ряда газированной воды и диетической колы, бублики из «Инмэнса» и готовые обеды из «Мото» — местного ресторана суши.

Я бросила в ведро пустой стакан из «Старбакса», сполоснула лицо и плеснула в свою свежевывытую кружку шампанского из недопитой бутылки. С кружкой в руке я пошла по слабо освещенному коридору и остановилась перед распахнутой дверью кабинета Фрэнсис.

В комнате, как и повсюду в доме, царил безупречный порядок. Интерьер был выдержан в цвете слоновой кости. Все книги, которые ей когда-либо нравились, мать расставила на полках, выстроенных вдоль стен. Здесь были редкие первые издания, книги авторства ее знаменитых друзей, даже издания в мягкой

обложке, побывавшие в ванне, куда она их ненароком уронила. Одна стена, напротив окна, выходящего на Пятую авеню, была целиком отведена под ее собственные труды и награды. На верхней полке стояли хрустальные многогранники, серебряные диски и золотые дощечки. Слегка помятый серебряный кубок для мятного джулепа (возможно, какая-то книжная награда южных штатов) и нечто вроде резной ложки из слоновой кости (я и близко не представляла, что бы это могло быть). На каждой вещице было выгравировано имя Фрэнсис Эшли, и каждая провозглашала ее гениальным писателем.

Я обошла комнату кругом, поигрывая кружкой с шампанским и касаясь пальцами корешков книжной коллекции матери. По спине побежали мурашки, будто это не я касаюсь пальцами книг, а кто-то касается пальцами меня. Я ничего не могла с этим поделать: кабинет Фрэнсис всегда внушал мне тревогу. Даже нечто вроде ужаса.

Сделав круг по комнате, я добралась до главной достопримечательности — стены «Кисы». Целая полка была заполнена экземплярами первых изданий в твердой обложке, книгами ранних изданий и образцами ограниченных подарочных тиражей. Ниже ровным рядом послушных детей стояли все мыслимые варианты воплощения книги в мягкой обложке и в переводах чуть ли не на все языки мира. Фрэнсис освободила полку под наградами для нового издания, которое должно было вот-вот выйти в честь сорокалетия романа, — как раз его рекламу я видела на автобусе.

Я сделала шаг назад — так отступают перед масштабными полотнами, которые невозможно охватить взглядом, если стоять слишком близко.

Все эти издания «Кисы» напоминали взвод солдат — от их количества и от их идеально ровных рядов мне становилось не по себе. Господи. Все вместе они производили впечатление и в самом деле грандиозное. Стена буквально наступала на меня, по-другому не скажешь. Я вздрогнула, испытывая ко всем этим книгам одновременно ненависть и почему-то — благодарность. Именно благодаря книгам матери я стала тем, кем стала: избалованной мажоркой, ни на что не годной дилетанткой. Девушкой-провалом. Побочным продуктом «Кисы».

Я дотронулась до одного из корешков. Палец скользнул вверх по тисненым буквам и зацепился за край. Я потянула, и появился фрагмент знакомой обложки — черно-розовое изображение демонической девочки в платье-сарафане и название, набранное типичным для 70-х зловещим шрифтом. У меня в голове снова с ревом пронесся автобус, а на нем — лицо Фрэнсис с кривой усмешкой, как будто она скрывает какую-то тайну.

А что, если это и в самом деле так? Вдруг на страницах книги действительно таится нечто такое, чего я не знаю о собственной матери? Возможно, если бы я потрудилась прочесть «Кису», у меня появился бы некий ключ к загадке Фрэнсис? Появилось бы нечто такое, от чего жизнь моя стала бы немного менее невыносимой?

Я затолкнула книгу обратно в шеренгу ее боевых товарищей, подошла к рабочему столу Фрэнсис и села. Допив остатки шампанского, стала вертеться в чудовищно дорогом эргономичном рабочем кресле. На сверкающей стеклянной поверхности стола не было ни фотографий в рамках, ни растений, ни аляповатых сувениров. Только кожаная карандашница цвета слоновой кости с букетом ручек цвета слоновой кости, и камень-пресс-папье

с неровными краями. Когда я была маленькой, Фрэнсис запрещала мне притрагиваться к ее наградам. К наградам, к письменному столу и к ее пресс-папье.

Но ведь я давно выросла, правда?

Я вытянула из карандашницы одну из ручек, уложила на ладонь и стала пристально разглядывать. Потом взялась за оба конца и сняла с ручки колпачок. Раскрутила корпус и вынула картридж. Он был наполнен черными чернилами. Теми самыми, которыми Фрэнсис когда-то твердым витиеватым почерком набрасывала свои первые черновики в разноцветных блокнотах с листами кремового цвета.

Я несколько раз согнула картридж, и тот наконец лопнул, вылив мне на подушечку пальца несколько капель чернил. Я наблюдала, как черная клякса дрожит на поверхности кожи и медленно впитывается в завитки папиллярного рисунка, а потом нагнулась над столом и прижала палец к пресс-папье. Чернила оставили идеальный отпечаток.

Я встала и подошла к полке «Кисы». Провела чернильным пальцем по ряду безупречно чистых корешков, оставляя на них черные размазанные точки и тире. Азбука Морзе Пятой авеню.

На помощь. На помощь.

Я остановилась в конце ряда, на последней книге в мягкой обложке. Корешок треснул по всей длине так, что название почти невозможно было разобрать. Я сняла книгу с полки.

Это было издание 2007 года — даже удивительно, как такая относительно новая книга успела так сильно истрепаться. На внутренней стороне обложки карандашом было выведено: «Сюзан Эвелин Дусетт на 12-летие. От тети Джо». Ах да. Я и забыла. Самые оголтелые

фанаты Фрэнсис любили присылать ей в подарок свои любимые, зачитанные книги каждый раз, когда выходило новое издание. В каком-то интервью, в начале нулевых, она обмолвилась, что любит просматривать читательские пометки на полях, и с тех пор ее заваливали старыми «Кисами». Для членов Культа Кисы это было нечто сродни религиозному акту — вернуть экземпляр книги в материнское лоно.

Я полагала, что мать немедленно передавала эти подарки помощнику, чтобы тот от них избавлялся, если, конечно, книгу присылал не кто-нибудь вроде Билла Клинтона, Джорджа Клуни или Рут Бейдер Гинзбург¹. Имя Сюзан Дусетт мне ни о чем не говорило. Может, девочка из «Осуществи мечту»² или вроде того. Наверняка какой-то очень особенный ребенок, раз Фрэнсис решила сохранить книжку у себя. И вид у этой «Кисы» был очень потрепанный — как будто владелец с ней и спал, и ел, и вообще не расставался.

Я поднесла книгу к носу и приняухалась. Она пахла так, как пахнут старые книги, — смесью типографской краски и прелости. Некоторым людям нравился такой запах. Мне — нет.

— Ищете, что бы почитать?

Я резко обернулась. В дверях стоял Эйса Блох. На нем был мятый свитер с закатанными рукавами, а на шее — бледно-голубой шарф, который его ничуть не украшал. В свете, падающем из окна, лицо его казалось еще более серым, чем накануне.

¹ Гинзбург Рут Бейдер — судья Верховного суда США (в истории США вторая женщина на этом посту).

² *Make-A-Wish Foundation* — фонд, помогающий осуществлять мечты смертельно больных детей. Был основан в США в 1980 году и теперь имеет отделения в 45 странах по всему миру.

— Что вы здесь делаете? — рывкнула я и швырнула книжку на стол. — Фрэнсис что, дала вам ключ?

Он показал мне ключ.

— Я же просила вас не приходить. Когда мать в отъезде, эта квартира принадлежит мне.

— Согласен, справедливое замечание. Но прежде чем я уйду, не могли бы мы с вами переговорить?

— Сейчас не лучший момент для этого.

Эйса окинул взглядом комнату, возможно отметив для себя чернильные следы на пресс-папье и книжных корешках. Впрочем, лицо его этого не выдало.

— Вам понравилась еда, которую я вам оставил? — спросил он.

— Я думала, это домработница.

— Вы думали, домработница купила ваши любимые булочки с корицей, роллы с тунцом и лимонную воду «Пеллегрино»?

— Господи. Любите преследовать людей?

— Нет, просто хотел произвести на вас благоприятное впечатление.

— Ясно. — Я заглянула в пустую кружку из-под шампанского. — Маленькие радости маленьких людей.

Он рассмеялся:

— Вас трудно впечатлить. Мне это нравится.

— Тогда мою мать вы, наверное, просто обожаете. Но в самом деле, не стоило так утруждать себя. Возможно, вас не предупредили, но производить на меня благоприятное впечатление совершенно необязательно. Мне на это плевать. И на вас, и на все, что вы там собрались мне сказать.

— Ясно. Как угодно. Просто я принес вам все это, потому что сочувствую вам. ... Ну, из-за Эдгара и вообще всего. Я знаю, что это тяжело.

Я сглотнула. Я не выспалась, все тело ломило, и я легко раздражалась. Следующим пунктом программы будет покаяние. Я стала разрабатывать дипломатическую стратегию по вышвыриванию этого типа из квартиры. Технически помощников матери нанимало литературное агентство «Рэнкин Льюис», но в прошлом мало кто из них заявлялся к нам домой. Они все были чересчур замотанные, невыспавшиеся и озлобленные, носились по городу с бесконечными поручениями, доставляли рукописи, иногда даже отвозили меня на занятия, если няня не могла выйти на работу. Никому из них и в голову бы не пришло вступить со мной в личную беседу. Это было что-то новенькое.

— Вам кажется это удивительным? — спросил Эйса. — Что кто-то может потратить время на то, чтобы выяснить, какую еду вы любите?

Раздражение во мне постепенно перерастало в отчаяние. Я скрестила руки на груди.

— Обойдемся без психоанализа. Если вы знаете, где я покупаю булочки и суши, это еще вовсе не означает, что вы знаете, кто я такая.

— Конечно, — согласился он. — Но я за вами давно слежу. Читал статьи о вас и Фрэнсис. Можно даже сказать, читал между строк.

— Клиника, — усмехнулась я. — Ну да ладно, у каждого свои развлечения.

Я вела себя грубо. Нацепила маску крутой нью-йоркской тусовщицы, чтобы он наконец заткнулся. Но было понятно, что тактика не работает. Эйса улыбался.

Он снова заговорил. Тихо. Доверительно.

— Я знаю, что вам пришлось нелегко, Мег. Быть дочерью Фрэнсис Эшли... Я представляю, через что вы прошли, и хочу вам помочь. Вы ведь на днях подавали

заявку на вакансию в «Омниа», некоммерческую организацию в Гарлеме, да?

Я застыла. Откуда он об этом знает? С кем разговаривал? Мозг работал с бешеной скоростью, перебирая все возможные варианты.

— Им нужен был ваш список контактов, правильно? — продолжал он. — Чтобы иметь возможность дойти друзей вашей матери.

Он печально покачал головой:

— Хреново это, должно быть, — всю жизнь быть чьей-то дочерью.

Меня словно хлестнули по щеке.

— Кто вы такой? — спросила я. — Чего вам надо?

— Просто парень, который хочет, чтобы вы тоже получили от жизни свое.

— Говорите по-английски, пожалуйста.

Эйса невозмутимо пояснил:

— Я хочу, чтобы вы написали книгу о своей матери.

КИСА

— из главы 3

— Ее лучшая подружка на острове — индейская девочка по имени Каппи Стронгбау. Она живет с матерью, та помогает нам по дому... Когда бывает в состоянии это делать.

Делия вытерла ладони о юбку, наконец прекратив двигать бумаги по столу.

— У Кисы такое богатое воображение, что она, естественно, часто притворяется, что и она тоже — индианка. У вас ведь нет предубеждений на этот счет?

Фэй мотнула головой:

— Нет... Нет, мэм.

Делия прищурилась:

— Если она станет утверждать, что она индианка, ей не следует перечить.

— Да, мэм.

— Мы учим Кису, что все люди на земле одинаковые, и цвет кожи значения не имеет.

Эшли Фрэнсис, «Киса».

Нью-Йорк: Drake, Richards and Weems, 1976